

Александра ШУМИХИНА И Т О , И Т О

Север — юг, восток — запад.
Четыре стороны ОДНОГО света.

Осень, зима, весна — для меня это Питер. Северная Пальмира. Лето — это Одесса. Южная Пальмира. Все четко. Какое-то время.

Одесса, лето. Поезд, вокзал, встреча. Все друг друга тискают, обнимают — не отдышаться. "Вечер через вечер" — в гости к родственникам. Пешком по летнему городу. Туда — деловитым шагом, обратно — томным. Или на катере вдоль побережья. За ним — шипящий пенный хвост бурунов, над ним — плотная стайка чаек. Это еще и аттракцион — бросать чайкам на лету хлеб.

Неизбежная жара. Или даже настоящий зной. Все пляжи — с раскаленным песком и раскаленными телами. Некоторые умы тоже перекалены: "Чтоб вы уже провалились!.." — "Это вы нам?" — "О! Вы еще здесь? Да пошли вы... и тех прихватите!" А через пару шагов кто-то громко подзывает: "Идите, идите сюда! Да-да, вы. Не, мы не знакомы. Просто сейчас мы положим ноги и уходим. Ложитесь тут. И пусть тот фраер поперхнется — вы к воде ближе!" Отдыхающие поразительно разноцветны! В смысле загара тоже. Черный, бронзовый, бледный загар. Красный, как у вареного рака. У нас пока бронзовый загар. Как у коровьей брынзы на "Приводе". То есть еще никакого "цвета кожи".

Неподалеку картинка: дитё кушает куриную ножку, мамаша достает широкий термос. Думаете, там холодный компот? Как раз наоборот. Горячий суп. Она наливает в тарелочку и дует, "чтоб остыло". Мы тарачим глаза. Мамаша с извинительной улыбкой оправдывается: "Жидкое он ест только на море". Само выскакивает: "А зимой?" Она отвечает: "И зимой тоже". Похоже, дитё просто любит море. И летом, и зимой.

Вода "на море" теплее парного молока. Освежает, если отплыть подальше и купаться "до посинения". Семечки, мидии, рачки. Оторваться раньше, чем наступит отворачивание, невозможно. Но по дороге домой аппетит успевает вернуться. И озвереть.

Все лето — райское изобилие рыбы, овощей, "фрукты". Обед поздний: когда "солнце спадет". В глубокий погреб босиком — это "для местных". А наши ступни после базальтовых бульжников его лестницы отогреваются минут пять. За дверью погребца, под солнцем, крышка с молоком мгновенно скользит из рук от "испарины". Не дай Бог нахлебаться этого молока еще в погребе, стоя босиком. Сразу ангина. Проверено.

С утра — каждому "в руку" свежее яйцо, только что из-под курочки. За завтраком иногда свежий ветерок даже овеивает. В эти часы еще легко дышится. Потом душно в любой тени. Освежиться — это шланг прямо "из-под крана". А летний душ — это "баня". В его баке постоянно "кипяток" от постоянного солнца. Одежда во дворе дома — только купальник и босиком. Жизнь "на воздухе" круглые сутки. В "самую спеку" — ночевки под открытым небом, под звездами "с кулак". Под неистовый стрекот сверчков. И сны пахнут матиолой.

Привычный летний экстрим — на дачу в кузове полупного грузовика. Полдороги — "грунтовка". Машина едет в клубах степной пыли. И всю дорогу густое, непрозрачное облако её догоняет, обнимает и не отстаёт, как восторженная родственница.

С одной стороны дачи, в двадцати метрах от забора, плещутся мелкие и мутные воды Днестровского лимана. С другой — волны Черного моря, но в двадцати минутах ходьбы, если вальжной "отпускной походкой".

Над морем — восход солнца. Над лиманом — закат. Нет ничего, что может сравниться с ночным купанием в море. Под звездами. Прямо по расплаву лунной дорожки. Обязательно в натуральном виде. И, если море "фосфорится", то каждый всплеск рук и ног мерцает мистическим светом.

В город можно вернуться с дачи и другим способом. Медленным-медленным (никакого терпения не хватает!) пригородным поездом.

А вареная кукуруза (пшенка), херсонские арбузы (кавуны) — это лето идет к концу. Скоро прощание с Одессой до нового лета. Поезд на север — это последнее "еще летнее" развлечение.

Наконец, Питер. Витебский вокзал. Двадцать минут на электричке — и "лицейский" город Пушкин. Там наступают осень, зима, весна. Но не только.

Наступает результат трех месяцев пребывания в Одессе. Он в Питере, как и загар, сразу в глаза бросается и долго еще держится. То, что появился акцент и какой-то "другой язык", еще ничего. Можно подумать! Неплохое развлечение для окружающих. Тем

более что "с Одессы" звучит не хуже, чем "из Парижа". Хуже, что незаметно для тебя изменилась твоя реакция на все, что угодно. Определенно! Становится труднее скрыть (особенно на лице) свое отношение там, где у питерцев принято сдерживаться. Да. У одесситов здесь "короткое расстояние".

Только не надо говорить "про южный характер". Как будто уроженцы Питера поголовно все не темпераментные!

А как насчет вполне "сознательного проявления" любого темперамента? Глубины или чистоты с любого "расстояния"? Кстати, это всем "помогает жить". Не только одесситам или питерцам. "Чистота" — это следить за тем, что вдруг взбрело в "глубину". Именно в твою голову. Потом уже радоваться или возмущаться тем, что об этом появилось в голове у кого-то другого.

Относится это к голове. Не к врожденным особенностям. И не к географии. У одесситов и у питерцев в голове, как и у всех людей, "тараканы" одинаковы. Секреты жизни с ними — это да, свои. И для меня осенью, зимой, весной работают питерские секреты. Сами питерцы помогают. И Питер.

Осень. Лазурная синь неба, светит яркое солнце, а все равно холодно. В парках жаркий "багрец и золото". Упорно кажется, что возле таких деревьев намного теплее. От глотка воды из родника-фонтана холодом ломит зубы. От взгляда на беломраморные статуи ежишься сильнее — сочувственно. Они, кажется, одеты не по сезону еще больше, чем бронзовые. Но красота такая, что с холодом просто свыкаешься.

Под ногами или мягко шуршит листва, или приятно хрустит мелкий гравий. Если ноги устали, можно и на лодке поплавать. Вокруг Чесменской колонны. Туда-сюда под низкой аркой Мраморного моста. Мимо Турецкой бани к Концертному острову. На нем — небольшая высадка и бутерброды в компании уток.

Сквозь поредевшие от листвы деревья мелькает церковь Екатерининского дворца. Луковки у нее на куполе покалывают глаза золотыми лучами. Хрустят зеркальными прудов тоже слепит. Кружит голову повторением "чертогов и небес". Тяжелые бусы из желудей тянут шею. Букеты из листьев пахнут черносливом.

Сны осенью под монотонный дождь в окно. Зима. Метельные снегопады, сугробы, крепкий мороз. Скрип его под ногами не только слышится, через подошву ощущается. Жизнь под электрическим светом. В школу — еще темно, из школы — уже темно.

Парки зимой открыты снегом и скованы морозом. Их красота становится строгой — нахмуренной и парадной, как у офицера в почётном карауле.

Снежный и морозный Новый год длится десять дней. В театры, в цирк, в музеи — всем классом. На непрозрачных от мороза окнах электрички теплым дыханием все "делают глазки". А в окнах вагонов метро перемигиваемся, как через зеркало. Домой едем "громче" — делимся впечатлениями.

Лыжи, коньки, санки с горки. Это — до бесчувствия. От одежды "с улицы" — густой пар над батареей, под ней — маленькие лужи. После этого — сон: мгновенный, как оживляющий счастливый обмороч.

Весна. Вечно промокшие ноги. Пушистые "зайчики" на вербе. Первые подснежники. Поездки на велосипеде за фиалками, ландышами, незабудками. На лиственнице — мягкие и миниатюрные розочки. На черемухе — пахучий дурман белой пены. Целые поляны пахнущей медом мать-и-мачехи. А над ней — густой гул шмелей.

К празднику Победы — открытие очередного зала в Екатерининском дворце после реставрации. На выходные туда — по многу раз. Рассмотреть подробно, с наслаждением. Не торопясь. Теперь эти залы "помнятся", как стены и предметы в квартире родного питерского дома.

Медленно и неуклонно наступают белые ночи. Засыпаешь, а еще светло, как днем. Перед сном считаешь дни до отъезда на юг. Снится Одесса.

Питерскую осень, зиму, весну к одесскому лету присоединял поезд. Реже — самолет. И этот "порядок вещей" однажды изменился. Мы переехали в Одессу. Осень, зима, весна и лето соединились. Все времена года стали "одесскими". Оказалось — большая разница. К Питеру, питерцам и той жизненной среде крепко привыкли. А к Одессе — только с одной летней стороны. Всем пришлось по-своему "переболеть".

Переехали в октябре. Обвал эмоций. И это осень?! Новый год — и без снега?!.. А то.... А это.... Но все это неплохо лечила сама Одесса. И одесситы.

Осенью здесь красок не меньше. Красота другая. Щедрость ее — не только на глаз. На запах, на вкус, на вес. И не только на рынках. В каждом садике висят наливные яблоки или груши. Невиданного колера и калибра гроздь винограда. В огородах шары и кегли тыков (кабаков).

Осенью в городе стойко пахнет хризантемами. Они цветут всеми цветами радуги. И всеми "видами": стоят шарами, свисают гирляндами, кустятся зарослями, стелются коврами. Некоторые цветут до серьезных заморозков, как и некоторые розы. И всю осень на каждом углу — зелено-полосатые пирамиды шелковых на ощупь арбузов...

А желудей "просто так" не найти. Зато много плоских длинных стручков. Одни изящно свернуты в широкие спирали. Их можно надевать на руку, как египетские браслеты. Другие свисают с высоких деревьев, как бахромы, узкими и прямыми шнурками. После дождя концы этих шнурков искрятся каплями воды, как подвески на канделябрах. А третьи стручки — это уже почти готовые свистульки.

Холодает незаметно и приятно — бархатно. А как только сорвется сильный ветер, начинается веселое хоровое цоканье. Это на тротуары падают каштаны. Разлетаются их колючая шкурка. И каждый гладко-соблазнительный каштан пару раз громко подпрыгивает. Далеко катится и долго манит к себе дробным звуком кастаньеты.

Зимой шторм на море случается, сильнее летнего. На берегу стоит сплошной гул. Волна обрушивается на берег свирепой, с угрозой, как ударом кулака. Брызги над головой — как пристрел. Долгое пенное шипение, как предупреждение. Такие волны вызывают благоговение. Ощущается царственность природы. И Новый год без грамма снега — уже ерунда.

Потом сразу Рождество. Взлет эмоций — на каждое из пяти чувств! Впервые живую пробуются кутья, узвар, штрудель. Песни и колядки — "сеем-сеем, посеваем..." Перекрестное хождение крестников к крестным родителям. Ах, да! Кажется, вы хотели снега и морозов? На Крещение — обязательно. Ну, почти...

А Пасха? Это уже — таки да весна. Одесса насквозь, вдоль и поперек пахнет ванильной сдобой (и даже в те времена, когда в Питере об этом еще и упоминать боялись). Все цокаются "крашенками" и трехкратно целуются. Пучками и грядками цветут нарциссы, гиацинты. Алье полянки тюльпанов горят, как маки. А вот каштаны не цветут — "разгораются" белыми свечками. В каждом переулке — куст-букет какой-нибудь сирени: белой, лиловой, персидской.

Тополиный пух зависает на бровях, лезет в глаза, липнет к одежде. И носится метелицей вдоль мостовой.

Зацветает белая акация. Одесса сразу — как будто вся в кружевах. Щедро и сладко наддушена. А как иначе? Она — "женского рода". Одесса — всем одесситам мама. Белая акация и ее аромат — не бренд города. Часть его сути. Ну а бренд — это сами знаете, для чего.

Но пришлось привыкать не только к одесской природе или "предметной" среде. Это нетрудно. Смущала разница между питерцами и одесситами. Но в себе. Оказывалось, она уже глубоко, не сразу заметна, зато сразу ощущима на шкуре. Речь не о разнице "отношения" к чему бы то ни было. Это и так у каждого свое. Разница в "проявлениях" этого отношения. Помните? У одесситов здесь "короткое расстояние". Так вот. Это ни хорошо, ни плохо. Просто нужно привыкнуть. Как известно, "полный порядок" — это балласт внутри человека. Состояние равновесия души и ума. Эмоций и прагматики. Ничего хитрого, но вещь хрупкая.

При таком повороте, как наш переезд, у эмоций обвал и взрыв. И прагматика вся с нуля — дом, уклад, учеба, работа, окружение. Как вам баланс? Чем держать и то, и то? Вот тут у одесситов и есть свой секрет. А у нас есть его прививка.

Вспомним, что население Одессы образовалось из приезжего люда. Отовсюду! Вот когда приходилось "держат баланс"... Еще как! И лучше всего держит его — нет, не компромисс. Это уже во вторую очередь. В первую — смех, добрая ирония, самоирония. Это к компромиссу ведет быстрее, чем самое "тяжелые" аргументы. До них дело и не доходит. А компромисс без юмора — штука коварная. Все равно какой-нибудь "осада" останется.

Смех — универсальный человеческий инструмент для выживания. У одесситов он растворился в крови. Похоже на живость темперамента, но только намного ближе к голове. Скорее, как талант. Чуть-чуть чего-то врожденного плюс работа извилин. Без них не юмор, а хаханьки и попса. Тоже хорошо, но чуть-чуть "что-то не то". Это уже на вкус.

Кстати, а жизнь на "коротком расстоянии" и теплее, и крепче. И больше, конечно. Но уж точно — интересней...

Одесса.

Анна СТРЕМИНСКАЯ

***

Лета номер шестнадцать в дождях
и ирисах
в вишнях в черешнях
бегущих к Десятой
Фонтана
приди ко мне вновь хоть во сне
что все четче под утро
дай пролететь по тебе
на сверкающем
велосипеде
длящемся и исчезающем в памяти
светлой
ворох бумажек твоих танцевал
рок-н-роллы
под саксофон ветерка
а мальчишкам и
кошкам
было привольно в бездонном
расплавленном
небе
вечер к ногам нашим падал
созревшю
грушей
в гости соседи с вином молодым
приходили
папа играл
на своей самодельной гитаре
в окна к нам бились крылатые звери
ночные

***

Когда пространство ограничено судьбою,
то это не случайно — значит, вещи
хотят вниманья нашего, обои
предстанут картой мира в сетке трещин.
Трубач хмельной по улице моей
бредет, шатаясь, с похорон, играя
песню Утесова; лицо его красней
заката над домами, яблок рая.
И вот невольный он соавтор мой;
в судьбе моей все чаще так и будет.
Едино все. И мыслей пестрый рой,
и вспышки образов беру из царства
буден.

Я в рабстве у событий и вещей
болына стихами, что приходят градом.
Терпи, Агарь: изгнание тяжелей;
терпи, Иов, болезнь — тебе награда.

***

Памяти моей бабушки А.Н. Романовской

...И море иное прольется над лодкой земною
и втянет воронкой единственного пассажира,
да выбросит так далеко, что молитва служила
о новопреставленной Анне

лишь нитью связною.
И Анна оставит свои упования, надежды
и мысли нехитрые старой одеждою бросит
ненужною. Жизнь остается

размеренной, прежней,
отсутствие материально, как проседь.
А в венах у этого города Черное море
пульсирует, бьется, смеется,

Слободку качает,
чтоб Анна уснула спокойно
и грозди чтоб вскоре
морскою водой налились и восторгами чаек.
Чтоб не было в жизни уныния. Бога любила
покойная, песни любила

(земля пусть ей пухом).
О том, что шаланды кефали полны,
в забвении говорила,
кефали полны серебристой
от речи до слуха...

***

Синий трамвай, и глаза его
грустны не в меру...

Осень бодра и подтянута по-офицерски —
дым от костров, как дымом сигарет кавалера
в форме. Разыграны старые, глупые пески.
Все о любви, но сюжеты избиты и вялы,
ну а подмостками — улицы, бары, квартиры.
Все безнадежно,
и кружится лист ярко-алый —
то алый парус —

смешной в этом сумрачном мире.
Все слишком проза, мой друг, —
так, наверно, и надо,
нет ничего — только дождь и облезлые стены.
Уши свои наостригла дома и к Вселенной
тайно прислушалась: будет за веру награда!
Ветер подует, и ливнем стихи вдруг польются
на опустевшие улицы, площадь, аптеку.
Только дома и поэты, их слыша, смеются!
Только дома и поэты, и так век от века!
Я только стебель, лишь стебель,
от ветра дрожащий.

Провод, гудящий меж небом
и хмурой землею.
Мне на ладони стихи прилетают все чаще:
ливнем, листвою, небесною теплой золою!

Одесса.